Целительница

Автор:
Наталья Бульба

Целительница

Наталья Владимировна Бульба

Она – внучка двух князей, но оба отказались от родства, воспротивившись браку ее родителей. Она – целительница, но этот дар соседствует с другим, редким, за носителями которого охотятся спецслужбы. Она – обычная девушка, мечтающая о счастливом будущем, но тайна, которую хранит ее отец, заставила сменить имя и жить с оглядкой.

Справится ли она с такой ношей?

Она справится, потому что на помощь, если потребуется, придут друзья. Те, кто не предаст.

Наталья Бульба

Целительница

Глава 1

Еще только начало августа, но ночная прохлада уже намекала на подступавшую осень.

Игнат поежился – внутри стыло не от холода, а от нехороших предчувствий, перевел взгляд с окончательно потемневшего неба на мерцавшую над домом сетку защиты.

– Барин, – окликнули его, сбив с мысли о том, что от серьезного врага, если такового завел, мало что спасет.

– А по роже? – откликнулся он, даже не оглянувшись. Как ни скрывался, но Андрея Игнат ощутил, когда тот только вышел на крыльцо.

– Да не хотелось бы, – хмыкнул подошедший практически вплотную мужчина.

По возрасту почти ровесники. Но если Игнат иногда чувствовал себя стариком, то этот духом был молод.

Внешне Андрей не был крепок, но и в слабости не упрекнешь. Высок, худощав, но не худ. В одежде скромен, однако без «но» и здесь не обошлось. Все добротно и ухоженно.

Но это на первый взгляд. Второй, более внимательный, мог заметить особую легкую поступь, когда идешь, скорее зверьем, а не человеком. Да и держался так, что только дай повод, тут же бросится.

– Вот и мне не хотелось бы, – лишь теперь развернувшись, констатировал Игнат. – Время, Андрей. Пора. Можно было бы задержаться на день-два, но, чувствую, поджимает. Если не сами, так Александру в беду вовлечем.

– Согласен, барин, – без малейшего намека на ерничанье кивнул его собеседник. – Маетно. Еще не так, чтобы совсем ух, но мысль про заныкаться уже появляется.

Игнат и не хотел, но улыбнулся.

Андрей – бастард, воспитывался в доме отца. Род не из первой сотни, но и в захудалых не значился, так что образование непризнанный отпрыск получил хорошее. Все эти «барин», «заныкаться» были не по причине косности речи, а лишь из огромной тяги к лицедейству, которую не смогли выбить ни тяготы

воинской службы, ни война, ни те приключения, в которые вольно или невольно, но втянул его Игнат.

– Ну, раз и тебе маетно… – уже без улыбки начал Игнат. – Свяжись с Ревазом, пусть к рассвету начинает. А сам…

– Да помню я, помню, – отмахнулся Андрей. Вот только взгляд, несмотря на легковесность слов, был острым, напряженным. – Барышню в машину и в поезд. Посадить, негласно проводить, проследить, как встретят.

– Это хорошо, что помнишь, – все-таки поморщился Игнат.

Хоть и десять раз все продумано, но за дочь он беспокоился. Не из-за того, что не справится – Александра росла весьма и весьма смышленой, а из-за случая, который как ни предугадывай, а все равно не предугадаешь.

Вездеход покинул усадьбу за два часа до рассвета.

Проводив машину взглядом до лесочка, Игнат вернулся к столу. Медленно выдохнул, «возвращая» себя после прощания с дочерью.

И ведь ни слова…

Произнеси она хоть одно обидное слово, было бы проще – имела право и им воспользовалась, но Александра молчала. Молчала и смотрела, выворачивая взглядом наизнанку.

Ни матери, ни бабушек с дедушками, лишь он да дядьки, оказавшиеся вместо нянек.

Знал бы, какую судьбу уготовил любимой и единственной дочери…

Если не кривить душой, то Игнат знал. И когда, вопреки воле родителей, назвал Анну невестой, и когда женой увез в гарнизон, не получив благословения и от ее отца с матерью.

Двое изгнанных, выброшенных из мира, к которому привыкли.

Одни против всех!

Мгновение слабости прошло быстро, словно и не бывало. Беспокоиться о прошлом без толку, только поедом себя съешь. А раз так…

Выдвинув ящик стола, Игнат вытащил разовый амулет, который, в отличие от телефона, не засечь. Сжал, словно пытался раздавить.

Растекшаяся перед ним дымка белесой была лишь пару ударов сердца. Потом она побледнела, стала прозрачной…

Несмотря на ночь, его собеседник с той стороны тоже не спал. И тоже сидел за столом, явно разбираясь с накопившимися делами.

– Когда?

Игнат усмехнулся. Трофим Иванович Трубецкой, глава рода Трубецких, один из тайных советников Тайной коллегии его императорского величества Владимира, человеком был немногословным.

Впрочем, в этом случае лишние слова и не требовались, достаточно самого факта использования амулета.

– Утром. Из Самары.

Трубецкой тяжело вздохнул – дорога от Пензы до Самары могла оказаться отнюдь не безопасной, качнул головой:

– Будь осторожен. За Сашу не беспокойся, я присмотрю.

– Если что…

– Нет! – резко, категорично перебил его Трубецкой. – Никаких «если что»… Ты – должен!

Он был прав – Игнат должен. Не для того он влез в эту историю, чтобы подохнуть. Только победить, и никак иначе.

* * *

Вагон мерно покачивался, убаюкивая. Но сон, несмотря на ночные сборы, не шел. Взгляд цеплялся за мелькавшее за окном, вычленяя то одиноко стоявшее дерево, то петлявшую дорогу, то деревушку, чьи дома были практически спрятаны за отяжелевшими ветвями яблонь да груш.

А вот мысли…

Мысленно я вновь и вновь возвращалась к отцу, смотрела в его глаза, слушала слова, понимая, что прошлое… то беззаботное прошлое, в котором меня все любили, ушло навсегда, оставив один на один с настоящим. Одиноким настоящим, которого совершенно не хотела.

Стук в дверь был аккуратным. Чтобы и привлечь внимание, но и не разбудить, если пассажир вдруг предпочел отдых иному времяпрепровождению.

– Войдите, – разрешила я, заставив себя избавиться от флера грусти.

Как-никак ехала в столицу, да еще и поступать в академию. Тут нужен задор и предвкушение, чтобы не выбиваться из созданного отцом образа.

– Барышня не желает чаю? – приоткрыв дверь, вежливо поинтересовался проводник. – До завтрака еще полтора часа.

– Да, благодарю, – ответила я, улыбнувшись. – И печенье, будьте добры.

– Все сделаю, барышня, – склонил голову проводник и прикрыл дверь.

Я, резко выдохнув, на мгновение закрыла глаза. В горле встал комок, захотелось плакать… Нет, даже не плакать – рыдать, позволяя слезам избавить от этой тяжести.

Одиночество я любила. Утомившись за день, закрывалась в комнате, устраивалась у окна летом или у камина зимой и замирала, наслаждаясь созерцательным ничегонеделанием.

Но это одиночество было другим. С впечатлением, что весь мир против меня одной.

И нет отца. Нет Андрея, с которым мы по вечерам вели философские беседы. Нет Реваза, учившего меня хорониться и искать захоронки. Нет дядьки Прохора, сызмальства бравшего меня с собой на охоту.

Прощай детство! Здравствуй взрослая, самостоятельная жизнь!

Все было бы не так страшно, не будь той роли, которую мне неизвестно сколько предстояло играть.

Долго горевать себе не позволила. Если бы могла что-то изменить…

Изменить я ничего не могла, а значит, не стоило лишний раз нервничать.

Когда вернулся проводник, принеся на подносе большую глиняную кружку с чаем и тарелочку с печеньем, я вновь мечтательно улыбалась. Словно была уже там, где меня ждало прекрасное будущее.

Я все-таки задремала. Уже после завтрака.

Поев, сначала взялась за книгу о практике использования диагностических магем – к поступлению готова, но знания лишними не бывают, потом, сообразив, что вынуждена по второму разу перечитывать один и тот же абзац, решила все-таки прилечь.

Раздеваться не стала, только сняла пиджак – одежда не мялась, зачарованная мной самой, да и постель не расправила, лишь накинула на ноги край одеяла, чтобы ступням не было прохладно.

Сон, в который буквально провалилась, оказался спокойным. Легким. Беззаботным. Дорога уже делала свое дело, еще не избавив душу от тревог, но уже щедро делясь обещанием чего-то светлого и прекрасного.

Жаль, отдых получился коротким.

Проснулась я резко. От шума. В коридоре кто-то громко разговаривал. Хлопали двери…

Сердце дернулось – в таких поездах, как этот, чужой покой без веских оснований не нарушали, – но тут же забилось ровно. Столь острого чутья на опасность, как у отца, у меня не было, но, если грозила беда, я все равно ощутила бы.

Опустив ноги, села. Нащупала туфли, надела, предпочтя пусть так, но быть готовой к неожиданностям. Оправила блузку.

Вопреки ожиданиям, в мою дверь так и не постучали. Забарабанили в соседнее купе.

– Целитель есть? Нужен целитель…

Меня вроде и отпустило – мелькнуло опасение, что могли выследить, – но ненадолго, вновь вернулась тревога. Не случись что-то серьезное, вряд ли бы в голосе проводника так явственно звучали панические нотки.

С сомнениями, что делать в этой ситуации, я справилась быстро. Назвать меня целителем трудно – еще учиться да учиться, но помочь продержаться до ближайшей станции, пользуясь знаниями, полученными от отца – полкового лекаря, скорее всего, смогла бы.

– Что случилось? – открыв дверь, выглянула я в коридор.

Любопытной оказалась не я одна. У соседнего купе стояла молодая женщина.

Лицо приятное, располагающее, волосы аккуратно причесаны. Дорожное платье по последней моде, да и украшения, хоть их и немного, подобраны со вкусом.

Вроде есть, но в глаза не бросаются.

Если что и портило образ, так некоторая суетливость, как у завидевшей блестящее сороки, и бегающие в предвкушении глазки.

Я хоть и юная, но попутешествовать успела. Да и отец с дядьками не упускали возможности учить видеть в людях даже то, что те скрывают от самих себя.

Такие, как эта дама, мне тоже встречались. С одной стороны, само благородство, с другой – только помани хоть чем-то напоминающим скандал, тут же растрещатся, картинно охая и ахая.

Чуть дальше у окна замерли двое мужчин, наблюдая за тем, что происходило в другом конце вагона. Оба в цивильном, но военное прошлое и в одном и в другом угадывалось без труда.

– Что случилось? – проводив взглядом скрывшегося в тамбуре проводника, обратила на меня внимание женщина, словно лишь теперь увидев. И, прижав руки к груди, добавила с придыханием: – Ребенок заболел. Говорят, совсем плох.

– Совсем плох, – так до конца и не решив, правильно ли намерена поступить, повторила я. Оглянулась, посмотрела на смятую постель, на лежавшую на столике книгу…

Я вполне могла спокойно вернуться в купе – о моих способностях в этом поезде никто не знал, так что некому и осудить, но вот прощу ли сама себе, что могла, но не пришла на помощь?

С другой стороны, отец просил не выделяться, оставаться в тени, пока полностью не освоюсь с новой личностью. И я понимала, что это правильно, но…

Я решительно покинула купе, не позволяя себе передумать. Привычно бросив на дверь защитное плетение, прошла мимо заинтересованно посмотревшей на меня женщины.

Идти недалеко – из одного конца вагона в другой, но сколько всего можно увидеть, сколько передумать за эти несколько секунд!

Мысли я тщательно гнала прочь – не до них сейчас, а вот не замечать оказалось сложнее. Привычка! Поэтому уже иначе, чем это было ранним утром, оценивала и деревянные панели, которыми обит коридор. И ковровую дорожку под ногами. И магические светильники, спрятанные в бронзовые бра. И даже аромат… что-то легкое, успокаивающее, избавляющее от тревог.

Когда оказалась рядом с мужчинами, оба словно поджались, пропуская.

В носу засвербело от запаха трубочного табака и хвои.

Но это я тоже отметила вскользь, обратив внимание больше на взгляд одного из них – цепкий, оценивающий, он вызвал вполне осознанное желание передернуть плечами, избавляясь от чужого интереса к моей персоне.

Мысленно пожелав ему долгой икоты – в проклятиях я была не сильна, но на душе сразу стало легче, – подошла к купе, из которого доносились приглушенные всхлипы.

Открыла шире дверь, тут же ощутив неприятный кислый запах, в котором чувствовалась какая-то травяная сладость.

Внутри было трое. Женщина, совсем молодая, сидела у окна. Когда я появилась на пороге, посмотрела на меня растерянным взглядом. Суетливо поправила воротник блузки, скривилась и тут же прикусила губу, сдерживая себя, чтобы не зарыдать.

Мать? Если судить по возрасту, то, скорее всего, да.

Мужчина стоял у постели ребенка. Высокий, слегка сутулый. Лицо не спокойное, но в глазах виделась уверенность, что все закончится хорошо.

Мальчик лет пяти…

– Когда это началось? – заставив мужчину отступить в сторону, наклонилась я к ребенку.

Бледные кожные покровы, испарина, кое-как затертые следы рвоты, частое, поверхностное дыхание…

Мальчик лежал на боку, поджав колени к груди, и тихо, как щенок, поскуливал.

– Минут тридцать назад, – ответил мужчина. – Мы выходили в ресторан, с ним оставалась няня…

– Где она? – Разворачивая диагностическую магему, я провела рукой над крохой.

Ладонь привычно закололо, перед глазами появилась невидимая другим картинка, окрашенная в опасные, черно-малиновые цвета.

Рот, пищевод, желудок, кишечник, сосуды, по которым текла кровь… И свой особый окрас, тонкими нитями расползавшийся по организму.

Яд!

– В соседнем…

– Отдыхали в усадьбе? – спросила я, пытаясь понять, что именно меня тревожило.

Отравление ребенка – особая история. Сложно говорить о злой воле. А вот о беспечности…

– В Изюево, это…

– Знаю, – вновь перебила я.

Продолжая удерживать магему, прикрыла глаза, вспоминая, где и когда видела подобное. И эти кровавые вкрапления, и эту мохнатую паутинку, которая как кокон окутывала тельце ребенка.

И ведь видела точно! И не сказать, что давно. Не раньше чем год-два назад, потому как до этого времени диагностическая магема мне в руки не давалась.

– Вы целительница? – приподнимаясь, вдруг истерично закричала женщина. – Что вы здесь…

Наверное, именно этого мне и не хватало. Истошного крика, в котором четко слышалось отчаяние.

– Я – не целительница, но что такое отравление волчьим лыком, мне известно, – отрезала я, выпрямляясь.

Да, именно год назад, вот такой же мальчонка. Не деревенский – те о ядовитых ягодах чуть ли не с рождения знают, приезжий из города.

– И какими могут быть последствия, если вовремя не принять меры. Мне уйти? – жестко посмотрела я на вмиг растерявшую гонор женщину.

Ответить та не успела.

– Браво, юная барышня. Не знаю, кто вас учил, но это достойный человек, потому как распознать отравление волчеягодником, даже столь виртуозно владея диагностической магемой, совсем не просто.

– Простите?.. – опередил меня отец мальчика.

Стоявший в коридоре мужчина выглядел импозантно. От туфель, начищенных так, что в них можно было смотреться, до ухоженной шевелюры.

А еще он был уверенным. Настолько, насколько может быть уверенным человек, добившийся в жизни всего, чего хотел.

– Профессор Соколов Данила Евгеньевич, – представился он, ни на сантиметр не сдвинувшись с места. – Заведующий кафедрой практического целительства Московской магической академии.

Я едва удержала себя от вздоха облегчения.

Нет, я бы, конечно, справилась, но брать на себя ответственность за чужую жизнь еще побаивалась.

– И что вы намерены делать? – сбил меня с мысли профессор. – Диагноз установлен.

Я опустила голову – рано радовалась, но спустя мгновение смятения посмотрела на ожидавшего моего ответа Соколова уже твердо:

– В условиях больницы или дома применила бы большую очищающую магему. В дорожных условиях предпочтительнее нейтрализующая и малая очищающая, которую необходимо повторить не позднее чем через шесть часов. А также обильное питье и влажные обтирания для очистки пор.

– Великолепно, барышня, – пару раз хлопнув ладонью о ладонь, наметил аплодисменты профессор. – Приступайте.

– Но…

– Я рядом, – ободряюще улыбнулся Соколов. – И, если понадобится, поддержу ваши усилия.

– Люся, ты видишь то же, что и я?

Поддерживать усилия профессору не пришлось. Я хоть и нервничала – происходившее напоминало неожиданный экзамен, но с обеими магемами справилась. И даже еще добавила укрепляющую, чтобы помочь ослабленному отравлением организму ребенка.

– Если ты говоришь о юной барышне, использовавшей три не самые простые магемы, то да, я вижу то же, что и ты, – с легкой, какой-то сияющей улыбкой ответила Соколову стоявшая у окна в коридоре женщина.

Когда она появилась, я не заметила, обратив внимание лишь теперь, когда профессор задал ей вопрос.

– И ведь как уверенно…

– Простите? – разогнувшись, тяжело вздохнула я. Это со стороны кажется, что целитель ничего не делает. А на самом деле… Мне проще было пройти по лесу с десяток километров, чем вот так, как сейчас, не дать ребенку отправиться к праотцам.

– Моя супруга, Людмила Викторовна Соколова. Мастер-целитель той же академии, – представил профессор свою собеседницу. – А теперь, – уже другим тоном продолжил он, – с вашего позволения, юная барышня, я пообщаюсь с родителями ребенка. А вы пока вернетесь в свое купе и выпьете чего-нибудь горячего и сладкого.

Его слова оказались весьма своевременными.

Нет, сделав самое тяжелое, я бы справилась и с объяснением, чем все могло закончиться для этого сорванца, но, видит Заступница, делать этого не хотела. Не мне, семнадцатилетней девчонке, вразумлять их. Пусть уж лучше профессор. Ему точно удастся донести, в чем были не правы.

Кивнув, что согласна, очистила руки, обрывая связь между собственным даром и пациентом. И, бросив еще один взгляд на малыша – на его щеках появился румянец, пусть еще и робкий, – покинула купе.

Чай принесли сразу, как только я вернулась в купе. Чай, вазочку с печеньем и тарелку с бутербродами. Отодвинув и то и другое – сразу после лечения есть не рекомендовали, взялась за кружку. Вдохнула аромат…

«Отпустило» меня резко. Я даже не думала, что можно испугаться так, как испугалась сейчас.

Нет, теперь, когда рядом профессор, жизнь ребенка была в полной безопасности, но я-то приняла решение помочь до того, как узнала о его присутствии.

А если бы вдруг…

Первое желание – бежать!

Куда?! Зачем?! Все было не важно! Главное, исчезнуть, не встречаться с теми, кто оказался свидетелем случившегося.

Второе…

Испытать второе я не успела. Дверь после короткого стука открылась, и на пороге появился человек, о котором только что думала.

– Люся, ты и теперь видишь то же, что и я? – произнес он, как мне показалось, лукаво.

– Если ты о душевных терзаниях, явственно написанных на лице юной барышни, то – да, – мягко отозвалась его супруга.

Тронув профессора за плечо, заставила его отодвинуться и первой вошла в купе. Присела напротив меня. Нас разделял только накрытый белой скатертью столик.

– Меня зовут Людмила Викторовна.

– Да, я слышала, – не без труда подняла я на нее взгляд. – Саша… Александра Салтыкова.

– Ирина Константиновна…

– Моя троюродная тетя, – заполнила я оставленную для меня паузу. – Мы из уральской линии Салтыковых.

– Ну, тогда мне все понятно, – лишь теперь войдя в купе, едва ли не удовлетворенно кивнул профессор. Закрыл за собой дверь.

Салтыковы – обширный род. В каждой семье не меньше шести детей. И так на протяжении нескольких поколений. Затеряться в столь богатом генеалогическом древе несложно, что при разработке моей легенды отец и учел.

Мужчины в основном занимались лесом и изделиями из дерева. А вот женщины… Нет, не каждая, но через одну точно имели дар целителя.

У кого-то он был сильнее, у кого-то хватало лишь на мелочи, но учили всех, чтобы не потерять ни крупицы способностей.

Ирина Константиновна, которую упомянул профессор, одна из самых известных ныне живущих Салтыковых, заведовала лекарским домом в Самаре и преподавала в местной академии.

Имелся в этой истории еще один нюанс. Девичья фамилия моей мамы – Салтыкова.

Вот только род был другой. Княжеский.

– В Москву учиться? – бросив взгляд на книгу, оставленную мной на столике, с теми же ласковыми, убаюкивающими интонациями поинтересовалась Людмила Викторовна.

– Да, – вспыхнув (вдруг подумают, что положила специально), промямлила я.

– Ты чай-то пей. – Вздохнув, профессор присел рядом с супругой. – Нагрузка большая, нужно восстанавливаться.

Под их умильными взглядами удалось сделать еще несколько глотков. А потом все, как отрезало. И ведь не было причин, но стеснение такое, что хоть под землю проваливайся.

Мое смятение их не остановило.

– Кстати, – подхватила разговор Людмила Викторовна, – а сколько магем ты можешь использовать?

– Семнадцать. – Я попыталась поставить кружку на стол, но под внимательным взглядом профессора была вынуждена вновь поднести ее ко рту.

– Первый семестр третьего курса, – вроде как вскользь заметила Людмила Викторовна.

Куда уж дальше, но я опять стушевалась. Потом тряхнула головой, беря себя в руки. На самом деле изучила их двадцать, с семнадцатью работала не задумываясь.

– Поступать в академию? – Направленный на меня взгляд профессора стал цепким.

– Да, – кивнула я уже практически спокойно. – Ирина Константиновна сказала, что Самара – не мой уровень.

– Правильно сказала. – Профессор неожиданно поднялся, порывисто подошел к двери, резко развернулся. – Считай, что уже поступила.

– Но… – чуть не выронив кружку, подскочила я.

Чай плеснул, собираясь вырваться наружу…

Я привычно накрыла кружку «крышкой». Проверив, что не пролилось ни капельки, не веря посмотрела на профессора.

– Мне нужен помощник целителя. Возьмешься?

– Я?! – Я снова растерялась.

Привела меня в чувство улыбка на лице Людмилы Викторовны. Похоже, происходящее ее немного забавляло.

– Жить собиралась у родственников? – словно я уже дала согласие, спросил профессор, сложив руки на груди.

– Сначала в гостинице, потом в общежитии, – несколько удивилась я смене темы.

– Во флигеле спальня и гостиная. Живем мы неподалеку от академии, удобно будет ходить на занятия. Вход отдельный…

– Я так не могу… – Не будь у меня за спиной дивана, я бы попятилась, а так лишь переводила взгляд с профессора на его супругу, пытаясь понять, правильно ли поняла его слова.

– Можешь! – на этот раз твердо, будто поставил точку, произнес профессор. – Тебе нужно развивать то, что дано Заступницей. И если я могу в этом помочь, то я это сделаю.

Все, что мне оставалось, кивнуть, соглашаясь.

Ничего подобного мы с отцом не планировали, но так оказалось даже лучше.

В той жизни, которая для меня начиналась, поддержка таких людей, как профессор Соколов и его супруга, мне не помешает.

* * *

Трубецкой еще раз перечитал сообщение агента и мысленно выругался.

Поезд из Самары шел одиннадцать часов. Три остановки, на которых барышню контролировали. И вот… «Объект вагон не покинул. Внутри отсутствует».

Вновь мысленно выругавшись – свои обещания он предпочитал выполнять, взял со стола магофон и отошел к окну.

Август. Еще не ночь, но уже практически стемнело.

Сейчас бы спуститься в гостиную, где собралась семья. Устроиться в углу дивана, наблюдая за вечерним общением под чашечку чая.

К сожалению, в последнее время столь беззаботно он проводил время все реже и реже.

И ведь не скажешь, что некому заняться проблемой, над которой корпел вот уже несколько лет, но…

Он эту игру начал. Ему и заканчивать.

Когда нажал вызов, ответили ему едва ли не мгновенно:

– Ваше превосходительство?

– Марат, – посмотрел Трубецкой в глаза визави, – вариант «Б».

– Понял, – нахмурился Марат. – Осторожно или…

– Очень осторожно, – подкорректировал формулировку Трубецкой. – Новости докладывать немедленно.

– Разрешите исполнять?

Трубецкой кивнул. Сбросил вызов, посмотрел на освещенную электрическими – нечего тратить дар на подобную ерунду – светильниками беседку. Взгляд привычно прошелся по столбику, вычленяя в завитках знакомый рисунок. Многоголовая гидра… Как напоминание, насколько хитер и изворотлив может быть враг.

Он уже собирался убрать магофон, когда тот завибрировал, привлекая внимание.

– Не ожидал услышать тебя сегодня, – ответил он на вызов. – Что-то случилось?

– Не знаю, что и сказать… – замялся его новый собеседник. Он сидел в кресле в кабинете и задумчиво крутил бокал с вином. – Подумал и решил, что одна голова хорошо, а две…

– Ты меня удивил, – усмехнулся Трубецкой, возвращаясь за стол. Сел, поставил магофон на подставку, чтобы не держать в руках. – Уж если твоя голова потребовала появления второй…

– Мне кажется, я видел сегодня Дедова, – не дав поюродствовать на тему кто кого умнее, перебил его собеседник.

– Кажется или?.. – остро прищурился Трубецкой.

Дедов когда-то был его топтуном. Пока не предал, продавшись с потрохами тому, кого Трубецкой считал заклятым врагом.

– Он слишком быстро отвернулся, а я был занят другим делом, так что…

– Где? Когда? – не скрывая напряжения, побарабанил Трубецкой пальцами по столу.

С профессором Соколовым они познакомились, когда того еще звали Данькой, а его Тофой. Имения рядом, родителей связывала дружба. Да и потом…

Пару раз жизнь Трубецкому спас именно он.

– В поезде, днем.

– И чем таким ты был занят? – расслабляясь, откинулся Трубецкой на спинку кресла.

О каком поезде шла речь, знал точно: фирменный, «Самара – Москва», на котором Соколов с супругой возвращались из Самары, где служил их старший сын.

А то, что этим же поездом ехала дочь Воронина… Всего лишь совпадение, но его чутье говорило, что в этом что-то есть.

– А это еще одна странная история, – сделав глоток, загадочно улыбнулся Соколов. – Отравление. Мальчик шести лет.

– И чем же оно странное? – У Трубецкого даже нос зачесался. Как всегда, когда на горизонте появлялось дело, над которым придется серьезно покорпеть.

– Отравление волчьей ягодой. Поделился подросток, с которым мальчишка познакомился на станции. Подошел, когда няня отвлеклась, заговорил. Протянул кулек. Мальчишка взял горсть, тут же съел. Ну а в поезде и началось. Если бы не случай, не было бы сейчас мальчишки.

Трубецкой кивком оценил не столько речь, сколько интонации. Соколов говорил неторопливо, словно смаковал каждое слово. Это тоже было знакомо. Соответствующие выводы он уже сделал.

– А что родители?

– А вот это самое интересное! – Соколов отсалютовал бокалом. – Мать – в истерике. Отец – спокоен, но, когда сын начал говорить про подростка с кульком, закаменел. Едва зубами не скрежетал.

– А ты?

– А что я? – Соколов сделал глоток и отставил бокал на столик рядом с креслом. – Сделал вид, что ничего не заметил, но фамилию у проводника узнал. На всякий случай.

– И? – положив перед собой лист бумаги и ручку, поторопил Трубецкой друга.

Тот улыбнулся, но качнул головой. Мол, еще не все оговорено.

Трубецкой хмыкнул – Соколов хоть и целитель, но было в нем что-то от ищейки, – потом кивнул:

– Будут тебе подробности. Если оно, конечно, того стоит.

– Стоит, стоит, – с явным удовлетворением в голосе заметил Соколов. – Я практически уверен, что фамилия Варланов…

– Варланов Степан или Варланов Виталий… – мгновенно подобрался Трубецкой.

Первый – известный в определенных кругах следак из розыскной полиции. Второй – младший сын в главной линии рода Варлановых, серьезно подвизавшихся на дипломатическом поприще.

– Второй, – не стал затягивать с определенностью Соколов. – И как ты понимаешь…

Трубецкой понимал. На попытку убийства то, о чем рассказал старый друг, никак не тянуло. А вот на намек, что если ты… то и мы…

– Когда приедешь посмотреть Тамару? – поставив точку в одной теме, перевел он разговор на другое.

– По магофону я с ней уже разговаривал. – Соколов легкой улыбкой дал понять, что беспокоиться не о чем. – А так… Ждите в гости послезавтра, часиков так в пять. И не одного…

– С новым помощником, – хмыкнул Трубецкой. О том, что друг покровительствовал талантливым студентам, ему было хорошо известно.

– С новой помощницей, – поправил его Соколов. – Хорошая девочка. Очень!

Хорошая девочка… Хороший мальчик… Как ни странно, но, предсказывая судьбу своих студентов, Соколов был весьма точен. За шестнадцать лет лишь одна ошибка, но то… То была грустная история, о которой ни один из них не хотел вспоминать.

Глава 2

Флигель оказался двухэтажным. Добротным. Полноценная жилая постройка.

На втором этаже спальня, гардеробная и небольшая ванная с туалетом. На первом – гостиная-кабинет, разделенная на две части.

В одной, большей, камин с двумя креслами рядом с ним, обеденный стол на четверых и диван, напротив которого висела панель телевизора. В меньшей – рабочий стол и книжный шкаф.

Все очень удобно и уютно.

Два выхода. Один, как и говорил профессор, на улицу. Прямо на дорожку, которая вела из сада к подъездным воротам. Второй внутрь дома. Чтобы, как сказала Людмила Викторовна, не чувствовать себя оторванной от цивилизации.

И все было бы просто здорово – я о таком и мечтать не могла, если бы не одно «но». Произошло это как-то неожиданно. Раз – и я уже не только практически студентка, но и помощница настоящего целителя.

В жизни так не бывает. Только в приключенческих романах.

– Эй, есть кто живой? – вырывая меня из очередной серии самоедства, донеслось снизу.

– Есть! – крикнула я. – Сейчас спущусь.

С семьей профессор меня уже познакомил. Две дочери: Юля и Яна. Юля на год старше меня, Яна на столько же младше. Сыну Кириллу – десять.

Был еще один – Валерий, но тот уже служил. Как раз в Самаре, куда они с супругой и ездили.

– Я тебе принесла молока и булочек, – опять донеслось снизу. – А то еще помрешь с голоду.

– Смешно… – буркнула я себе под нос и, накинув поверх футболки легкую кофточку, вышла на лестницу.

Внизу стояла Юля.

– До утра бы не померла, – не без воодушевления глядя на кувшин и тарелку с булочками, тем не менее восстановила я справедливость.

– А кто тебя знает. – Рассмеявшись, Юля направилась к столу. – Не против, если составлю компанию?

– Ты в своем доме, – скорее дернула, чем пожала я плечом. Спустившись, достала из скрытого за небольшой перегородкой шкафа стаканы.

На ужин меня приглашали, но я отказалась. И не только из скромности, но и из желания хоть ненадолго остаться одной.

В поезде супруги быстро взяли меня в оборот. Как только попыталась отказаться от всех их предложений, вместе с вещами забрали в свое купе, находившееся в соседнем вагоне.

Ну а там…

Все, что мне оставалось, только кивать да коротко отвечать «да» или «нет».

В какой-то момент даже начала подозревать нехорошее – так просто не бывает, но, как только речь зашла о медицине, от этих подозрений не осталось и следа. Уж отличить настоящего целителя от ненастоящего благодаря отцу я вполне могла.

– Ага, – фыркнула на мою сентенцию Юля, но тут же прекратила кривляться. – Саш, поверь, ты не первая и не последняя, кто живет во флигеле. Отец – фанат своего дела. Он, как ищейка, нюхом чувствует, из кого будет толк, а кто так и останется одно название, что целитель.

Признаться честно, мне было приятно, но…

– Я не хочу, чтобы меня выделяли, – поставив стаканы на стол, упрямо произнесла я. – Я благодарна Даниле Евгеньевичу…

– Перестань! – беззлобно отмахнулась Юля. – Выделять тебя действительно будут, но так, что взвоешь. Поблажек он своим любимчикам не дает.

– Не знаю, радоваться теперь уже или нет, – всерьез задумалась я над ее словами. – Все настолько страшно?

– Еще страшнее, – разливая молоко, засмеялась она. – Тут до тебя парень жил, Игорем звали, так тот даже застрелиться хотел.

– Звали? – настороженно уточнила я, присаживаясь на стул.

– Ага, – опять начала придуриваться Юля. – Теперь Игорем Николаевичем кличут. И только на «вы».

– Тьфу на тебя! – хохотнула я, сообразив, что поймалась на простейшую разводку. – Напугала.

– Умею, – улыбнулась она, устраиваясь напротив. – Отец говорит, я люблю сгущать краски.

– Ты тоже целительница? – воспользовалась я моментом, чтобы внимательнее рассмотреть Юлю.

То, что пошла в мать, сомнений не вызывало. Такая же невысокая, хрупкая. Как фарфоровая статуэтка. Кожа светлая, нежная. Волосы светло-русые, волнистые. А вот глаза карие, что смотрелось очень и очень чарующе.

– Нет, – прихватив из тарелки булочку, отломила она кусочек. – Второй курс МИУ. Факультет журналистики.

– Вот это да! – восхитилась я.

Московский Императорский университет!

Это было весьма престижно.

– А… – без всякого пиетета, как будто это ничего не значило, протянула она. – Пописывать я начала еще в лицее. Отец как-то подкинул пару моих заметок одному из своих пациентов, редактору «Московских вестей». Вот с тех пор и кручусь.

– Здорово! – вполне искренне произнесла я. – Наверное, это интересно.

– Интересно, – с улыбкой согласилась она. – Но иногда выматывает. Хочешь не хочешь, а материал ты должен выдать.

– Так ты и сейчас с ними сотрудничаешь?

– А куда мне деваться?! – засмеялась Юля. – Затягивает.

От избытка чувств я качнула головой. Надо же… просто затягивает…

Для меня журналистика была сродни чуду. Нужно ведь не только найти о чем писать, но и так преподнести читателю, чтобы тот прочел заметку от начала и до конца.

В лицее нас, конечно, учили стройно формулировать свои мысли, но чтобы вот так…

Тем временем Юля успела съесть булочку и уже добралась до второй. Сообразив, что могу и голодной остаться, поспешила последовать ее примеру.

Выпечка оказалась выше всяких похвал. Мягкая, воздушная. Сладковатая ровно настолько, чтобы поманить, побаловать тающим вкусом.

– Ну вот, а ты не хотела, – когда опустели и тарелка и кувшин вновь засмеялась Юля. Довольно откинулась на спинку стула. – А хочешь, я завтра с тобой в академию схожу?

– Конечно, хочу! – обрадованно воскликнула я. То ли одной плутать, то ли с той, кого вполне можно назвать приятельницей. – А ты там уже была?

Юля гордо задрала нос:

– Да я все годы учебы в лицее у отца на кафедре прожила. Если захочешь, потом такого порасскажу…

Я – хотела. Но она правильно сказала про потом. Перекусив, со всей очевидностью я поняла, что устала. День был долгим. День был тревожным. А еще он был богат на события, которые требовалось переосмыслить.

* * *

Московская магическая академия находилась на Большой Царицынской. И готовили в ней будущих целителей, магов-прикладников, бытовиков и теоретиков.

Что касается медицины, то в столице имелось еще несколько учебных заведений, в которых учились те, кто имел слабый дар или был полностью его лишен.

Как говорил отец, парадокс налицо. Тех, кто мог убить, среди одаренных большинство, а вот тех, кто способен исцелить…

В этом году на целительский факультет набирали восемьдесят человек, а заявлений было подано чуть больше сотни. Вот такая грустная математика. В медицинском институте на одно место претендовало трое.

– Можно вернуться домой за машиной. Или пройдемся пешком? – не дала мне погрузиться в размышления Юля.

Не знаю зачем, но я оглянулась на здание академии, из которого мы только что вышли.

Странное ощущение. Быть здесь и не верить…

– Ау?! – шутливо толкнула меня в плечо Юля. – Ты еще с нами?

– С вами, с вами, – хмыкнула я, догадываясь, как нелепо сейчас выглядела.

– Так что выбираем? – вернула меня Юля к заданному вопросу.

– Я бы предпочла пройтись, – отошла я в сторону, чтобы ненароком не сбили – народ валил и туда и оттуда. – По дороге можно где-нибудь перекусить. А то за столом кусок в рот не лез.

Мое признание ничего, кроме смеха, не вызвало. Но, как я уже заметила, Юля сама по себе была смешливой. Да и на настроение не жаловалась.

– Ты на Янку не обращай внимания, – отсмеявшись, все-таки «пожалела» она меня. – Ты думаешь, от кого я у папеньки на кафедре пряталась?

– От сестры? – не поверила я.

– От сестры, от сестры, – кивнула она, продолжая улыбаться. – Тот еще клещ. Привяжется, проще сбежать, что я и делала.

Теперь пришел мой черед кивать. Виделось в Яне что-то служившее подтверждением предложенному эпитету. В отличие от Юли младшенькая была пусть и не толстенькой, но пухленькой. Но взгляд… Точно как клещ. Вцепится – не отдерешь.

– А вот с братьями она совсем другая, – не столько взгрустнула, сколько перестала быть очень веселой Юля. – Старшенького побаивается, а с младшим…

Она не закончила. Меня «пробило» ощущением приближающейся опасности, потом раздался шум подъезжающей машины, визг шин…

Я так и не поняла, что сделала сначала – испугалась или приготовилась отражать нападение.

Скорее всего, второе. А вот Юля, приняв это самое второе за первое, успела ухватить меня за руку, прежде чем я наделала глупостей:

– Это Тоха. Неожиданно, но вовремя.

Не столько от слов, сколько от спокойствия в ее голосе готовое к боевому трансу тело вернулось в нормальное состояние. Сердце, натужно двинув в грудину, расслабилось, забившись в положенном ему ритме.

– А ты откуда? – Отпустив меня, Юля направилась к замершей у тротуара машине.

– Ехал мимо, – бросив быстрый взгляд на меня, отозвался вальяжно откинувшийся на спинку водительского сиденья парень. – Смотрю, ты! Ну не мог же я…

– Льстец, – хохотнув, наклонилась вперед Юля. Щелкнула парня по носу, когда тот хмыкнул, выпрямилась. – У тебя новая тачка?

– Нравится? – не без самодовольства протянул парень. – Отец подарил за успехи в боевой.

Пока они разговаривали, успела рассмотреть обоих. И парня и машину.

Машина – спортивный кабриолет. Черный, хищный и даже, я бы сказала, самовлюбленный. Техника была мощной, красивой и безумно дорогой. Уж я-то знала, присматривала себе подобный.

Как и машиной, парнем вполне можно было любоваться. Пусть и сидел, но понятно, что высок. Темноволосый, с вытянутым, украшенным легкой горбинкой носом и твердым волевым подбородком.

Но еще больше привлекали внимание его руки. Сильные, крепкие, с крупными, но не лишенными изящества ладонями.

Одет он был так, как одевалось большинство молодежи, которую я видела. Джинсы, рубашка с завернутыми по локоть рукавами.

На первый взгляд все очень демократично. Но, как и в случае машины, я знала цену подобным вещам, так что не обманывалась. Одевался этот парень в элитных бутиках.

– Хвастун, – весело засмеявшись, отмахнулась Юля. – Пропал. Не звонишь. Теперь вот появляешься на шикарной машине.

– Отдыхал в имении, – улыбнувшись – общение с Юлей ему явно нравилось, вновь посмотрел он на меня.

Юля направление взгляда не пропустила. Оглянулась…

В ее глазах было столько предвкушения, что я бы предпочла за лучшее сбежать.

Увы, не успела!

– Саша, – позвала она меня. Я качнула головой, мол, не надо, но Юля была непреклонна. – Саш… – протянула она проказливо.

Пришлось подойти. Хоть это и не совсем по этикету, но похоже, что вот так, в неформальной обстановке, между собой они так неформально и общались.

– Саша, позволь тебе представить…

Что порадовало, продолжать демонстрировать пижона парень не стал.

– Простите, – прервал он Юлю. Выйдя из машины, подошел к нам. Улыбнулся, став еще привлекательнее, чем был. – Вот теперь можешь продолжать.

– Ну раз ты разрешаешь… – хмыкнула Юля. – Саша, позволь тебе представить моего одноклассника Антона Мещерского из княжеского рода Мещерских.

– Последнее было необязательно, – галантно склонив голову, заметил Антон. – Антон Мещерский, к вашим услугам.

– Александра Салтыкова, – протянула я руку, которую тот не пожал, а поднес к губам. – Для вас – Саша. И, если можно, на «ты».

– Очень приятно, Саша, – улыбнулся мне Антон. – И конечно, можно. Ты дочь…

– Я не та Салтыкова, – рассмеялась я и аккуратно вытянула ладошку из захвата. – Я из самарского рода. Точнее, его уральской ветви.

Вопреки ожиданиям, мой не столь высокий статус его нисколько не смутил. Судя по тому, как он едва ли не демонстративно вздохнул с облегчением, Антона все устраивало.

– Кстати, Саша – будущий целитель. Живет во флигеле, – словно я была призом, похвалилась Юля.

– Поздравляю! – вполне искренне произнес Антон. – Быть замеченной профессором дорогого стоит. От него и доброго слова не всегда дождешься, а уж поселить во флигеле…

– Я еще не поступила, – слегка смутилась я. – Вот провалю…

– Не провалишь, – с твердой уверенностью заметил Антон. – Кстати, Юль, – вдруг вспыхнул он энтузиазмом, – как насчет пикника на прудах? Соберем одноклассников, отметим скорое окончание лета.

– И обязательно пригласим Сашу, – многозначительно посмотрела Юля на Антона.

– И обязательно пригласим Сашу, – покладисто повторил Антон. – Ты не против? – посмотрел он на меня.

– Завтра и послезавтра у меня экзамены, – напомнила я о насущном. – Если только вечером…

– Тогда послезавтра вечером, – решительно произнес Антон. Потом бросил взгляд на часы. – Вы извините, что не могу задержаться… Обещал… – взглядом побитой собаки посмотрел он сначала на Юлю, а потом и на меня. – Но послезавтра…

– Лети уж, – легко, играючи толкнула его Юля. – Вечером созвонимся.

– Обязательно, – усаживаясь в машину, махнул он нам рукой.

Мы проводили машину взглядом, пока та не скрылась за поворотом. Переглянулись.

– Ну что, гулять? – напомнила она о наших задумках.

– Гулять, – улыбнулась я. – Но сначала поесть.

– Тогда в студенческую кафешку, – осмотревшись, решительно ухватила меня за руку Юля. – И близко, и кормят хорошо.

То, что кормят хорошо, было здорово. В желудке уже урчало, напоминая, что нормально я ела в последний раз еще в поезде.

* * *

– Что-то случилось, Антон Николаевич?

Антон, «очнувшись», с некоторым недоумением посмотрел на стоявшего рядом с машиной охранника. Потом оглянулся на уже закрытые ворота.

Это же надо было так задуматься?!

– Николай Иванович дома? – выходя из машины, вместо ответа поинтересовался он.

Новое знакомство не давало покоя. И ведь вроде не красавица…

Александра была миленькой. И какой-то чистой. Он бы даже сказал – прозрачной в своей отстраненности от грязи этого мира.

И ведь вряд ли она с ней не сталкивалась – там, где целители, там и боль, но ведь буквально светилась.

Светилась! Он даже вздрогнул, лишь теперь сообразив, что его смутило. Сила стихий, которых не должно быть у целителей.

Или он, потянувшись к девушке душой, выдавал желаемое за действительное?

– В саду, господин, – отступил, пропуская, охранник. – В беседке.

Кивнув, Антон направился в сад. Душевные метания душевными метаниями, но что такое долг перед родом, он не забывал.

Отец действительно находился в беседке. На деревянном столике были разложены бумаги. Сбоку стояла кружка. Скорее всего, с брусничным отваром,

который он любил.

Заметив Антона, Николай Иванович поднял голову, тут же перевернув лист, который читал.

– Рано ты.

При других обстоятельствах Антон только усмехнулся бы, при этих… Новая подружка бывшей одноклассницы что-то сдвинула в его восприятии происходящего, дав не только заметить в голосе отца нотку беспокойства, но и принять ее.

– Мы можем поговорить? – Остановившись у входа в беседку, Антон легкой улыбкой намекнул, что не произошло ничего серьезного.

– Конечно. – Николай Иванович сдвинул бумаги в сторону. – Приказать что-нибудь подать?

– Нет, не нужно. – Антон запрыгнул на перила. Откинулся назад, оперся спино на столб. – Я сегодня случайно встретился с Юлией Соколовой. – Он вопросительно посмотрел на отца.

Тот кивнул: помню, знаю.

– Она была не одна, с подружкой. Девушка приехала поступать в ММА. Александра Салтыкова.

– Княжеский род?

– Самарские, – поправил Антон. – А эта из уральской ветви.

Николай Иванович, продолжая внимательно смотреть на сына, задумчиво склонил голову.

Антон опять не сдержался, улыбнулся. Приятно, когда тебя так слушают.

– Живет у них во флигеле, – добавил Антон, переходя к сути проблемы.

О том, кого из студентов профессор Соколов селит в своем доме, в родах было хорошо известно. И за каждым из них…

Заполучить себе сильного целителя было заманчиво. И – перспективно.

– Она хорошенькая?

Антон еще раз мысленно прошелся взглядом по новой знакомой.

Высокая, стройная, гибкая. То, что не неженка, тоже заметно – такую фигурку, даже учитывая генетику, без усилий не получишь.

Лицо приятное. Овал, линия бровей, глаза, нос, рисунок губ, подбородок… Все гармонично, создавая законченный образ аристократки далеко не в первом поколении.

Если что и выбивалось из него, так довольно короткая стрижка и взгляд. Острый, оценивающий. Но и это можно списать на специфику. Чтобы стать хорошим профессионалом, целитель должен научиться подмечать множество нюансов.

– И даже очень, – подтвердил Антон предположение отца. – Мы договорились встретиться послезавтра, после экзаменов.

– Где? – ничем не выдал своего интереса Николай Иванович.

– На прудах. Решили устроить небольшой пикник, – догадываясь, что именно сейчас просчитывал отец, довольно улыбнулся Антон. – Юлия обещала обзвонить одноклассниц. Я – одноклассников.

– Но это ведь не помешает тебе взять кого-нибудь из братьев? – провокационно поинтересовался Николай Иванович.

Антон предпочел бы сам… Будь Александра из княжеских Салтыковых, ему бы никто и слова не сказал, а так…

– Не помешает, – тоном заверив, что все понял, ответил Антон.

– Ну вот и хорошо, – довольно отозвался отец. – С главой я поговорю.
О результатах узнаешь завтра.

Антон намек понял. Кивнув, спрыгнул с перил и направился в сторону дома.

Вот только…

Все правильно – у каждого в роду своя роль, но на этот раз сердце с ней не соглашалось.

* * *

Новости о судьбе Александры Трубецкой получил уже к обеду.

Впрочем, ничего другого он и не ожидал. Если за дело брался Марат, можно было с уверенностью говорить, что результат рано или поздно будет.

Этот случай исключением не стал. И не важно, что на первый взгляд воспринимался незатейливым. Подумаешь, обнаружить пропавшую девицу!

– Вот, значит, как! – Трубецкой положил рапорт на зеленое сукно стола. – Флигель профессора Соколова…

От избытка эмоций – уже вторая бессонная ночь давала о себе знать – качнул головой. Поднявшись, прошелся по кабинету.

– Вы там не наследили? – резко развернулся он, посмотрев на тут же подобравшегося подчиненного.

– Никак нет, ваше превосходительство, – четко произнес тот. – Как и приказано, действовали крайне осторожно.

– Знаю я ваше «крайне осторожно», – проворчал Трубецкой.

Прочитанный только что рапорт четко отложился в памяти, так что воссоздать картину произошедшего удалось без труда.

Отравление. Первой на помощь пришла девушка-целительница. Затем подоспел ехавший в этом же поезде профессор Соколов. Высоко оценив способности девушки, Соколов решил составить ей протекцию и поселил в своем флигеле, уже не раз становившемся пристанищем даровитых студентов.

Кое-что из этого ему было известно от того же Соколова. Но вот то, что в истории оказалась замешана и Александра…

Если в поезде был действительно Дедов, опасность подстерегала дочь Воронина еще и с этой стороны.

– Утром девушка проследовала в академию, где подала документы в приемную комиссию, – продолжил между тем Марат.

– А без канцелярщины? – перебил его Трубецкой.

– Если без канцелярщины, – слегка обмяк Марат, – то девушка выглядела спокойной. Вела себя беззаботно.

– Это хорошо, что беззаботно, – чувствуя, как подступает недовольство, протянул Трубецкой. – Вот что, Марат, дело это весьма деликатное. За жизнь девушки я поручился честью не только своей, но и всего рода. А это, как ты понимаешь…

– Трофим Иванович, – едва ли не обиженно заметил Марат, – вы же знаете…

– Я-то знаю, – огрызнулся Трубецкой. Вернулся за стол. Сел. – Где она сейчас?

Прежде чем ответить, Марат взглянул на экран магофона:

– В торговом комплексе «Рассвет».

– Одна?

– С Юлией Соколовой, – не задержался Марат. – Нам продолжать наблюдение?

Трубецкой и сам бы хотел знать ответ на этот вопрос. С одной стороны, оставлять Александру без присмотра нежелательно. С другой… Прятать надо на виду, чтобы вроде вот она, но словно и нет.

Легенда, придуманная им и Ворониным, такой и была. Да, известная фамилия, но род не тот. Да, сильный дар, но все обосновано, не вызывая подозрений.

И если вдруг случайно…

– Ты Реваза, инструктора, помнишь?

– Такого забудешь, – скривившись, хмыкнул Марат. – Пока с ним не встретился, и не знал, на что я способен.

– Это хорошо, что помнишь. – Откинувшись на спинку кресла, Трубецкой сложил руки на груди. – Реваз Александру с семи лет учил. Так что если облажаетесь…

– Понял, ваше превосходительство, – тут же подтянулся Марат. – Наблюдение продолжаем, но крайне-крайне аккуратно.

– Если она заметит, бог с ним, а вот если привлечете чужое внимание…

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, все будет по высшему разряду. Разрешите…

– Иди, – позволил Трубецкой. И добавил, когда Марат уже взялся за ручку двери: – Докладывать каждый день. Но если что…

Ему очень хотелось, чтобы этого «если что» не было. Но… слишком серьезным был их враг. Слишком непредсказуемым, чтобы не предполагать любые неприятности.

Глава 3

Целительский тест и экзамен по анатомии. Оба на «отлично».

Заметив проступившее на моем лице удовлетворение, профессор ухмыльнулся и переглянулся с Людмилой Викторовной.

Я точно знала, что даже редкие среди магов менталисты способны лишь принимать чужие образы, но в такие моменты, как этот, казалось, что Данила Евгеньевич без особого труда читает мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bul-ba_natal-ya/celitel-nica

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити